

ПОЛИТИКА ЭСТЕТИКИ ПРОСТРАНСТВА В АРХИТЕКТУРЕ

Понятия пространства и эстетики как учения о формах чувственности были объединены Кантом в рамках разработанной им критической теории, показавшей, что поскольку наш опыт вхождения в мир (в качестве уже воспринятого) необратим и как таковой он требует эмпирической размерности принципов мышления, то вопрос о том, каким мог бы предстать мир вне пространственно-временной координации наших чувств, помимо структуры мира, которая сложилась в разрешимости на пространственных объектах, бессмыслен, или запоздал.

Следующий после Канта шаг в направлении удостоверения взаимосвязи между пространственностью опыта и чувственно-телесной формой мышления был сделан феноменологическими исследованиями. Было показано, что отмеченная необратимость опыта мира реализована в системе значений, которая подразумевает одновременно и опыт собственного тела, феноменально окрашенный в виде следов (имеющих чувственно-телесную природу), благодаря которой всякий последующий опыт (в том числе основанный на строго научных предпосылках), не упраздняет этот изначальный.

Будучи интерпретированы тем или иным образом значения, конституированные этим первичным опытом, подразумевают и переоформления пространства (а, значит и бытия), в котором продукт интерпретации может предстать как изначальное (интенциональное) образование, что как раз и предполагает редукцию и феноменологическое раскрытие подлинных оснований бытия субъекта.

Таким образом, наша компетентность в общих делах определяется нашими занятиями в нем, свойствами пространства и временными возможностями. А «членение времен и пространств, зримого и незримого, речи и шума», определяющее «цели политики как формы опыта», понимается Фуко как «эстетика», лежащая в основе политики.

Компетентность в общих делах определяется наличием «занятий». Им определяется, видим ты или нет в общем пространстве, наделён ли общей речью и т.п.

Человек политичен потому, что может высказывать свое мнение, «обладает речью, которая обобществляет справедливое и несправедливое», говорит Аристотель; животное лишь показывает голосом свое удовольствие или боль. «Но весь вопрос в том, чтобы знать, кто обладает речью, а кто голосом». Эта политика эстетики и объясняет восприятие раба Аристотелем не как «животное политическое», но как существо, понимающее язык, но им не обладающее, в его пространственно-временной системе.

Таким образом, оказывается достаточным лишить человека речи как возможности высказывания своего мнения, времени для формирования этого мнения, и пространства, позволяющего ему быть услышанным, чтобы превратить его в животное неполитическое.

Этим и руководствовались дисциплинарные институты, такие как больницы, казармы, тюрьмы, в которых организация «полезного» пространства сочетается с выполнением требований по обеспечению надзора и разрыва опасных связей. Для успешного их функционирования, имеющего целью сделать находящихся там механизмом некой общей системы, согласно Фуко, использовались в том числе следующие методы, реализуемые посредством определенных архитектурных решений. Так как дисциплина иногда требует отгораживания, спецификации места, отличного от всех других и замкнутого в самом себе, то организуются «отгороженные места дисциплинарной монотонности». Соблюдается принцип «элементарной локализации или расчерчивания и распределения по клеткам». «Каждому индивиду отводится свое место, каждому месту — свой индивид», чтобы избежать распределения по группам, не допустить укоренения коллективных образований,

раздробить массовые множества. Используется «правило функциональных размещений», которое «кодирует пространство», оставляемое обычно архитектурой свободным для его разнообразного использования. Также пространство устраивается специальным образом, позволяющим индивидуализировать тела посредством локализации, т.е. не закрепление их на определенном месте, а распределение и циркуляция в сети установленных отношений.